

ДОЛГ ПАМЯТИ

Известно, что лебеди часто погибают, не в силах перенести потерю друга. Люди — не лебеди. Они и не такое могут пережить. Но у нас тоже есть память. Не у всех, правда. И все же, и все же...

Михаил Брехес был не только концертмейстером Александра Вертинского. Он был его партнером. Ироничность Вертинского, его внимание к тексту и к подтексту, изысканность жеста, особая музыкальность рук настраивали соответствующим образом и пианиста. И хотя внешне они едва общались на сцене, по существу это был настоящий дуэт.

Брехес выступал с Вертинским всего четырнадцать лет, с того самого момента, как Александр Николаевич в 1943 году вернулся на Родину. За эти годы они столько всего пережили, исколесили столько дорог, наконец, столько совместно концертировали, что Михаил Борисович считал своим долгом поделиться воспоминаниями о выдающемся актере эстрады XX столетия. И составил программу, куда вошли фрагменты из недавно опубликованных мемуаров Вертинского, собственные рассказы и, конечно же, песни из репертуара Александра Николаевича в исполнении... Михаила Борисовича.

Брехес уверяет, что он не стремился специально к имитации исполнительской манеры Вертинского. Но за несколько тысяч концертов, что дали они вместе, Михаил Борисович до того проникся интонациями Александра Николаевича, изучил его мимику и пластику, что не в состоянии представить себе, как бы это можно было сделать по-другому. И хотя внешне они абсолютно не похожи, когда Брехес начинает петь, он вдруг становится чуть-чуть похожим на Вертинского. И дело здесь не в легком грассировании, а в особом музыкальном чутье и нюансировке звуков. Даже дыхание у Брехеса в такие минуты становится точь-в-точь такое же, как было когда-то у Вертинского.

Недавно я побывал на одном из концертов-воспоминаний Брехеса. Он собрал полный уютный Камерный зал в Музее писателя Николая Островского. Самое удивительное — пришло много молодежи, которая знакома разве что с пластинками и магнитофонными записями Вертинского. Что привлекло этих молодых людей и девушек на такую встречу? Они оказались на редкость благодарными слушателями и готовы были внимать и внимать рассказам Брехеса и песням из репертуара Вертинского. Полтора часа без ант-

ракта пролетели незаметно, а зрители и не думали расходиться. И, как когда-то просили Вертинского, теперь просят Брехеса исполнить и то и это...

Михаил Борисович относится к своим выступлениям трогательно-серьезно, но не без доли иронии, создавая дистанцию между собою и Вертинским. «Миша, исполните что-нибудь из меня», — просил иногда Александр Николаевич, зная, что Брехес показывает друзьям и знакомым его романсы. «Вот кто меня заменит», — любил шутить после таких выступлений Вертинский.

Михаил Борисович рассказывает об этом с юмором. Впрочем, с юмором он рассказывает и о многом другом. Что и рождает особую атмосферу доверия, вероятно, в любой аудитории.

Может быть, все дело в том, что многие из нас истосковались по тихому и тонкому искусству? Мы столько лет были убеждены в том, что искусство должно соотноситься с реальной жизнью. И вот теперь выясняется вдруг, что это вовсе не так уж и обязательно. Пусть себе там бешут страсти, а мы хоть на время обо всем забудем. Кроме Вертинского, которого нет уже давно, почти 35 лет. Но вот видите: он снова вернулся к нам с помощью верного друга, по долгу памяти. И оказался весьма кстати, что само по себе тоже удивительно.

Борис ПОЮРОВСКИЙ.